

Нашествие

Русская Лолита!

Кровавые всполохи



Алексей Наст

18+

Алексей Николаевич Наст

Русская Лолита!

Кровавые всполохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31259686

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11520-0

Аннотация

Первый роман тетралогии "Нашествие". Средневековая Русь на пороге татаро-монгольского вторжения. В княжествах неспокойно. Но жизнь идёт своим чередом. Они любят друг друга. Ему 26, он женат, двое детей. Ей 14, она дочь главного воеводы. Отец узнал, хочет порвать его, уничтожить всю семью – власть позволяет... Он в бегах. Все страдают. Вот вам и любовь!... Да, и в то время 14 – брачный возраст, а читателям ограничение +18, а тут много всего такого эдакого... Всякого...

Тетралогия: Нашествие монголов.

<< >> >> >> >> >> >> >> >>

Декабрь 1237 года

...Чёрные всадники, бесчисленной колонной, выгибающейся змеей, рысили, по утопающей в снегах, степи. Над недалёким березняком кружили тучи воронья, громким карканьем накликая беду.

Трескучий мороз мешал дышать. Лошади и всадники в лисьих малахаях покрылись колючим инеем. Клубы пара поднимались над войском. То тут, то там слышались гортанные выкрики, проносящихся вдоль войска, порученцев-тулдж.

От топота сотен тысяч копыт гудела земля. Движение войска было неукротимо, не было силы, способной остановить этот страшный вал...

<< >> >> >> >> >> >> >> >>

Первый роман тетралогии:

КРОВАВЫЕ ВСПЛОХИ

Лето 1229 года набирало силу. Тёплый ветер сбивал комариные тучи. Ехать было приятно. Семён лежал на соломе в старой, скрипучей телеге, смотрел в голубое, чистое небо. Узкую дорогу обступали потемневшие от тепла ели. Запах молодой хвои бодрил, хотелось петь. Лошадью правил Микула – посадский бездельник, взятый князем на двор в конюхи. Сзади и спереди телеги неспешно трусили на лошадях дружинники – Серьга и Ванька. Семён грыз соломинку, скучал. Рядом теснилось не хитрое барахлишко.

– Микула, спел бы, что ли, – подтолкнул он конюха.

– Вот ещё. С какой радости горло драть?

– Да ты посмотри, как хорошо. Душа песни просит.

– Тебе надо, воевода, ты и пой.

– Груб ты, братец, – Семён вздохнул, подложил под голову ладони.

Микуле было от чего злиться – благодаря Семёну князь Юрий загрузил его работой сверх меры, назначив Семёна из Суздаля во Владимир в младшие воеводы, повелел Микуле перевезти пожитки семьи, а теперь Семён опять ездил в Суздаль забрать последнее, и опять прихватил Микулу, хотя прекрасно мог сделать это своими силами.

– Коней княжеских не бережёшь ты, – упрекал Микула младшего воеводу. – Своих холишь, а княжеским от тебя одна неприятность.

—Микула, куда лучше ехать, чем в княжеском детинце сидеть, от безделья мух ртом ловить.

—Хорошего мало на телеге такой путь трястись туда да обратно.

Микула славился своим ворчливым нравом, и над ним любили подтрунить — мужику было за тридцать, а не семьи, ни двора — прижился княжеским холопом. Семён был не намного старше Микулы — на два года, а уже и семья давно, хотя сына прижил всего нечего — три года, а до того мёрли ребятки. Уж сколько жена Агафья изводилась — и кормили не надо лучше, и холили — у смердов ребята крепкие, Семёновы же не держались на этом свете. Слава богу, Мишка зацепился своими маленькими ручонками за жизнь, живёт, пострелёныш, подрастает. Агафья ещё одного собралась рожать. Это хорошо. Большая семья — опора.

Жена у Семёна красавица. Только что-то не ладилось у них — ночью жарко, а не долго, словно чужие, по принуждению друг с другом. Первые дни Семён наглядеться не мог на Агафью, думал, любовь пришла. Теперь было тяжело, уже понял, что ни он, ни она особой теплоты друг другу дать не могут. По вдовам и вольным девкам ходить претило, и стыдно было — Агафья, даже кто ей понравится, себя сдержит, чем же он лучше. Слава богу, Мишка остался жить — Агафья немного оттаяла, прошли обычное отчаянье после смерти первых малышей и враждебность к всегда занятому Семёну. Сын забирал всё её время, и часы с мужем иногда прино-

сили радость, когда она видела, как Семён неуклюже возится с ребёнком, посмеиваясь над ним, ища у неё поддержки.

Переезжал Семён из Суздаля благодаря болгарам – князь Юрий решил отправить его послом к волжцам в ответ на мирное посольство, пришедшее всего неделю назад из Булгара, а чтобы соблюсти статус, назначил его младшим воеводой Владимирским – первым во Владимире бессменно сидел Пётр Ослядюкович, он умрёт, будет его сын. А Семёну и младшим почётно. В его-то годы, и такие заслуги. Отец простой посадский суздальский, Семён у него первенец (все-го в семье трое братьев). Семёна князь забрал в дружину. А в суздальские младшие воеводы Семёна выдвинули опять же болгары. Ещё при отце Юрия, великом князе Всеволоде, державшем в кулаке не только Северо-Восточную Русь, но и южные княжества, разгорелась война суздальцев с Волжской Булгарией. В 1205 году Всеволод разорил сёла и городки болгар по Каме и Волге. В 1209 году болгары напали на Рязань. В 1210-м суздальцы совершили ответный набег. В 1212 году великий князь Всеволод умер, и сразу же разгорелась междоусобная война за Владимирский престол между его сыновьями, в результате которой, в 1218 году великим князем Северо-Восточной Руси стал Юрий Всеволодович. Булгары учли ослабление страны – стремительны нападением в 1218 году они захватили Устюг на реке Сухони, а затем предприняли движение вглубь русских земель, до города Унжи. Унжу взять у болгар сил не хватило, удерживать Устюг они не

собирались, потому разорённый край покинули.

Князь Юрий повёл дело решительно – объединив утихомиранных князей, он собрал большое войско, отдал его под начало младшего брата Святослава, и отправил по Волге в землю болгар. В этом походе проявил себя Семён. В войске, помимо княжеской дружины, были отряды из Переславля–Залесского, Ростова, Устюга и Муром. 15 июня 1220 года русские разбили болгар, и разорили городки и деревни в нижнем течении Камы.

Святослав посоветовал брату обратить внимание на бойкого Семёна. Юрий, с легкой руки, назначил Сёмку-бойкого младшим воеводой суздальским, отдав под начало городскую дружину – первый воевода руководил всеми силами удельного княжества.

Юрий собирался совершить ещё более масштабный поход на болгар, благо добычи привезли много, а силу выявили у камцев недостаточную, но зимние болгарские посольства с дарами, с трёх попыток отговорили великого князя от войны – был заключён мир.

Семён надеялся проявить себя в новом походе – с первого привёз много серебра, разного барахла, так что поднял на ноги и отца с матерью, и себе выстроил дом, хотя и не жил там, постоянно околачиваясь рядом с князем – понравился ему молодой парень, расторопный и преданный. Похода не было. Но болгарское «везение» своё делало.

–Булгарам верить можно, но, бережённого бог бережёт, –

решил Юрий, велев на слиянии Оки и Волги, на самой восточной окраине Руси ставить крепость от возможных набегов.

Булгары держали под своим контролем окрестные племена черемисов и мордвы. Невзирая на мир русских с камцами, эти могли своей волей разорять суздальское приграничье. Потому князь отрядил дружинников из Владимира и Суздаля ставить Нижний Новгород, на месте разрушенного городка эрзи Ибрагимова. Людишек посадских и деревенских переселили насильно, а Семёна назначили воеводить.

Семён сразу с собой повёз отца.

—Ох, и гнилое место, Сёмка, тебе досталось, — сокрушался отец, но, опираясь на высокое положение сына, отгородил себе побольше хорошей земли, стараньем дружины хороми отстроил, заделался посадским старостой. За городом, укрепленным валами и тыном, на вольном просторе, на болгарское серебро двор поставил скотный, вызвал сыновей на хозяйство.

Зажила семья Семёна привольно в пограничной глуши.

Городок заложили маленький, всего, вместе с дружиной, человек в две сотни. Хотел Семён и жену перевезти из Суздаля, но Юрий не пустил.

—Заложил крепость, прирастил людей к земле, и ладно. Ты здесь будешь, твоё место младшего воеводы Суздальского не отбирали. А воеводить в Нижнем Сысой оставляю.

Отцу Семёна было всё едино — Сысой друг сына, почти

сын – живи, приращай добро.

Семён, привыкнув к своему положению, приезжал к отцу в Нижний, просил младшего брата, Ивашку, выделить, отпустить в Суздаль, но отец, похваляясь богатством, отказывал.

–От добра добра не ищут. Здесь у нас вон как дело идёт! Ты воин, а мы – люди посадские. Город вырастет, я из Ивашки посадника сделаю!

–Я ведь рядом с князем. Разве брата своего плохо устрою в Суздале?

–Ты, Сёмка, отца не учи. Я в люди божьим промыслом вышел. Может, тебя князь приблизил ради того только, чтобы нашу семью сюда определить. Здесь наше место. Город новый, и мы в него корнями растаем. А Суздаль? Кто там не помнит нас сырыми из сильненьких? Всякий ткнёт. А разгневаешь князя? Не пущу Ваньку! А будешь князю на ухо нашептывать, брата себе под руку сманивать, дрыном по спине отхожу, не посмотрю, что воевода...

А теперь это спешное переселение из Суздаля во Владимир. Булгары мира просят. Чего ради? Давно не воевали с ними.

Хотят мир закрепить накрепко. Поговаривают, война у них идёт с какими-то монголами, оттого бояться удар в спину от русских получить...

Переправившись на плоту через Лыбедь и, по настилу миновав овраги у оборонительных валов города, во Владимир въехали через Медяные ворота. Ехали через новый город

вдоль оврага, мимо каменных стен монастыря и валов среднего города, через ворота въехали в Средний город, ещё называемый Монаховым, так как у южной городской стены, прямо у укреплений княжеского детинца, приткнулся ещё один монастырь – Рождественский, а у внутренних валов высилась каменная церковь, и попы, и служки монастырские, сновали туда-сюда перед глазами, отчего казалось, что здесь только монахи и живут.

Неторопливо, по ухабистой улице, через лай псов, крутящихся у заборов усадеб, через внутренние ворота, попали на посад.

Дом Семёна был сразу за воротами, и Микула придержал лошадь перед тяжёлым, из жердины, забором.

– Давай, Микула, вместе с Ванькой и Серьгой, перетащите в дом барахлишко. Я – к князю.

Семён сел верхом на лошадь Серьги, поскакал обратно к детинцу, успел услышать сзади ворчание Микулы:

– Барахлишко его таскай. Больно великий воевода объявился.

Семён, смеясь, мотнул головой.

По улице шли дети Петра Ослядюковича – Коська и Наталья. Коське было двадцать лет, а отец всё держал его в домашней усадьбе, заставляя смотреть за хозяйством, холопами и сестрой Натальей, четырнадцатилетней красавицей, на которую первый воевода чуть не молился. Серьга уже успел рассказать, что у Петра Ослядюковича такие молодые дети,

потому что первая семья погибла во время пожара, когда шла обычная княжеская распря.

Пётр Ослядюкович недавно похоронил вторую жену, и теперь всё время проводил в княжеском тереме, часто не навещаясь домой по неделям – дети приходили к нему повидаться. А князь шутил, глядя на красавицу дочь Ослядюковича, что отдаст Наталью за удельного князя в Черниговскую землю. Хотя это была шутка, она легко могла воплотиться в реальность – князей становилось всё больше, и семьи воевод и первых посадников легко роднились с удельными князьями. Пётр Ослядюкович бледнел, слушая слова князя, не зная, как устроить судьбу дочери, чтобы и дома оставить на радость себе, и муж оказался человеком знатным и богатым.

Семён, против воли, встретился с глазами Натальи, серыми с паволокой. Девушка не смутилась, смотрела безбоязненно, и опустила голову, хихикнув, когда брат дёрнул её за рукав.

Семён неожиданно кивнул головой, здороваясь, и промчался, замирая – красивая девка. Если бы не крутой нрав Петра Ослядюковича, давно бы окрутил красавицу. От похабной мысли ухмыльнулся.

Въехав в детинец, Семён оставил коня дружиннику, перекрестился на Успенский собор, по кручёной лестнице с резными перилами, поднялся в княжеский терем. Начальник караула ушёл в гридню, доложить князю, вернулся.

–Иди, зовут.

–Кто у него?

–Да все там. И Митрофан тоже. Послы недавно только вышли, всё тары-бары вели.

Семён вошёл в просторную гридню, увидел епископа Митрофана, важного (живот вперёд), вредного Петра Ослядюковича (заносится перед ним, Сёмкой– выскочкой), великого князя Юрия – уже отяжелевшего, за сорок лет перевалило, хмурого, его старшего сына князя Всеволода, сыновей Владимира и Мстислава, полевого воеводу Еремея Глебовича (между дружинниками «Ерёма-сердитый» – всегда в походах орал и на руку не скупился с молодёжью).

Семён отвесил поклон.

–Во время ты, – сказал Юрий. – Перевёз пожитки в новый дом?

–Перевёз, княже.

–Тогда, готовься в дорогу. Завтра болгар обратно отправим, и ты с ними. Повезёшь грамоту хану. Главное, разузнай, что они затевают, к чему, и без того в мирное время, ещё больше мир укрепить хотят? Послы кивают на монголов, которые на юге их ханства объявились. Мол, рубят половцев, башкир, с которыми болгары беспрестанно воюют, бьют. У болгар с башкирами мир теперь – отбиваются от общего врага. Так ли это? И что это за монголы? Послы говорят – их армии бесчисленны, им покорились южные народы, в битвах они яростны, к побеждённым – беспощадны... Правда то или сказки? Может, нам стоит ударить болгарам в спину?

Разорим городки, добычу возьмём, а то и их данников – черемисов да мордву под Русь забрать получится. Разумнай.

–Хорошо, великий князь.

–Грамоту хану передашь, на словах скажи: у великого князя к булгарам вражды нет, пусть шлют купцов, торгуют, как прежде, а мы к ним своих отправим, как всегда. А сам переговори с местными князьками. Знаю, у них шатание в ханстве – хан не управляется, улусные князьки (как у нас недавно было) во власти его сомневаются. Разумнай, да долго не задерживайся.

–Понял, княже.

–Ну, иди, отдыхай. С собой возьмёшь двух дружинников.

–Великий князь, дозволь Микулу взять?

–Холопа моего, конюха? Ха-ха-ха. Ну, бери, шутки ради. Что, жаловался на тяжкую долю? Ерёма, распорядись, чтобы Глебка – начальник караула, выдал Микуле одежду получше. Он дурень бездельный, но глаз у него острый. Наплачешься, Сёмка, с Микулой в дороге.

Все в гридне заулыбались.

Семён поклонился, вздохнув, вышел.

На улице, сев на коня, увидел въезжающего на телеге в детинец Микулу, подмигнул ему, улыбаясь. Тот сердито отвернулся. Думает, отмаялся, теперь на сеновале валяться, да к вдовам шнырять... Нет, дружок! Когда узнаешь, что тебя ждёт – взвоешь.

Но весёлое настроение улетучилось сразу, как выехал из

детинца. В чужую землю ехать послом. Велика честь, а страх стучит внутри. Всякое может случиться. И делать нечего – служба княжеская, подневольная: сказано – делай.

<< >> >> >> >> >>

Из Владимира посольство на трёх лодях отправилось ранним утром вниз по Клязьме. В первой лодье плыли дружинники сопровождения – они проводят посольство до Нижнего Новгорода, во второй – болгары, во главе с князьком Адавлетом, однолетком Сёмена, на третьей – посол князя Юрия Сёмен, дружинники Серьга и Ванька, и ворчун Микула – «младший посол».

—Что за печаль мне в чужбину ехать? А, воевода? — допытывался Микула.

—Князь повелел. Ты его холоп. Говорит, у тебя глаз острый, — пряча усмешку в усах, объяснил повороты судьбы Микулы Семён.

Микула сразу загордился, щерясь.

–Точно! Острый глаз! Что я замечу, тебе не увидеть! Но я не холоп. Я вольный.

—Сколько ел, пил княжеского, на соломе валялся, а всё
ВОЛЬНЫЙ.

—Князева печаль меня кормить и в конюхах держать. Не захочет — уйду. Захочу, сам уйду.

—Ленив ты страшно, Микула... В послы тебя определили,

растёшь, как муж государственный, в чине прибавляешь, а ворчишь! Тебе безделье дороже хорошей жизни?

—А моя чем плоха?

—У тебя ничего нет.

—Руки, ноги есть, голова работает, большего не требуется. А честь не велика чины выслуживать. Князья грызутся друг с другом за городки, а вам, слугам верным, головы рубят.

—Ты не князю, земле суздальской послужи.

—Послужу. Я не отказываюсь. А не нравится мне эта затея, хоть что говори, воевода.

В Стародубе речной караван остановили дружинники князя Ивана – брата великого князя Юрия, самого младшего среди братьев Всеволодовичей, ему исполнился тридцать один год. Он был тихим, спокойным человеком, всецело преданным Юрию.

Послов накормили за княжеским столом. Адавлет рассказывал о монголах и призывал быть мирными соседями – дипломатическая болтовня. Тут же за столом, Семён разговорился с болгарским князьком, узнал, что он племянник хана и отвечает за посольские дела.

Отплывая дальше, Адавлет пригласил Семёна на свою лодью, и до Нижнего Новгорода Семён плыл с булгарами, расспрашивая Адавлета о неведомых монголах.

—Разве они неведомые, воевода? Шесть лет назад вы бились с ними на реке Калке.

—Не может того быть! – удивился Семён своему неведе-

нию. Вроде, он беспамятством не страдал. Другие у них, в Суздале, битвы были.

— Не ваш князь, не Суздальский, а южные — из Киева, Чернигова... Монголы разбили русское войско, и гнали остатки до Днепра. Они проходили и через наши земли. Мы их тогда сильно потрепали.

— Лжешь, князь! Была бы битва великая, все бы о ней знали!

— Расспроси у вашего летописца княжеского, раз мне не веришь! Монголы не неведомые, они рядом, и они сильные враги! На Русь и Булгарию приводил отряды полководец Субедей. Цепной пёс Чингисхана. Покорил множество народов. И Китай, и Хорезм, и Кавказ. Теперь он вернулся. В прикаспийских степях Субедей разогнал половцев, вытеснил их за реку Яик. За Яиком степи принадлежит хану Бату, сыну Джучи, старшего

сына Чингисхана, великого основателя монгольской орды. В этом году, зимой, Субедей и Кокетай привели в прикаспийские степи войска, по нашим сведениям два тумена. Двадцать тысяч воинов.

— Двадцать тысяч?! Много! — Семён слушал, и не мог до конца поверить в правдивость слов Адавлета. Далёкие страны, имена монгольских ханов, неведомая ему битва русских и поражение, а теперь двадцать тысяч войска — огромная сила, со всей земли Владимиро-Суздальской, если объединить все дружины, столько и не набрать... Преувеличивает булга-

рин, запугать хочет. А для чего?

—Для монголов двадцать тысяч не много — это два небольших отряда. Потому мы и беспокоимся. Когда Чингисхан покорял империю Хорезмшаха Мухаммеда, которому раньше принадлежала те степи, где властвует теперь Бату, монгольское войско состояло из двенадцати туменов. Сто двадцать тысяч!

—Ха-ха. Ну, это точно сказки! Преувеличиваешь!

—Нисколько. А войско Мухаммеда было в сорок туменов, и всё равно монголы разбили его империю, как глиняный кувшин. Теперь все воины Хорезма служат монголам... А когда Чингисхан напал на тангутов (многолюдное государство на западе Китая), его армия была из тринадцати туменов — сто тридцать тысяч! Монголы за два года стёрли тангутов с лица земли. Говорят, оставшиеся в живых стали рабами, а тангутский язык забыт.

—Почему же Чингисхан не послал на Булгарию десять туменов, а только два?

—Ты мне, всё-таки, не веришь, воевода, — Адавлет смотрел на берега реки, отмахиваясь веточкой от назойливых комаров. — Чингисхан два года назад умер. Страной монголов правил его младший сын Тулуй. В этом году, на всемонгольском курултае, согласно завещания Чингисхана, власть над империей принял его средний сын Угедэй... А почему не послал на нас десять туменов, я не знаю. Говорят, монголы основную армию направили опять в Китай. Не знаю. Но это

хорошо. Для нас даже два тумена – уже сильная армия... А есть слухи...

–Откуда слухи? – перебил Семён.

–Купцы. Купцы там и тут, они всё знают, везде бывают, от них нет секретов... Есть слухи, что монголы пошлют сюда дополнительные силы, правда, из кипчаков (они не так сильные)... Но, если их будет много...

–Посмотреть бы на тех монголов.

–Приедем, посмотришь.

–Захватили пленных? Вы снова бились с ними?

–Пленных нет, но я покажу тебе монголов. Издали. После приёма у хана, не поленись, съездим к Яику – на той стороне реки постоянно их дозоры. Этой зимой, по льду, тумены Субедея и Кокетая переходили Яик и разгромили наши сторожевые заставы. Но границу ханства не перешли, повернули на башкир. Мы заключили мир с башкирами. Там идут большие схватки. Башкиры разрозненны, многие племена не сплочены, бьются сами по себе, а монголы их крошат всей массой. Но Башкирия – леса и горы, так просто монголам её не завоевать – коннице в лесу туго, ей степь нужна, простор.

–Почему ты, князь, говоришь, что монголы покоряют башкир? Может, просто разоряют, грабят, потом уйдут?

–Нет, они не уходят. Стойбища сжигают, людей бьют, уведут в плен, князей вырезают. Им нужен тыл, когда они пойдут на нас.

Лодьи прошли мимо Гороховца, причаливать к пристани

не стали.

После Гороховца, из узкой Клязьмы вошли в широкую Оку.

В Нижнем Новгороде остановились на сутки. Послов встречали воевода Сысой и посадник Спиридон – отец Семёна.

–Сёмка, обормот, ты-то куда, в страсть такую? – поразился отец, узнав, что Сёмен направлен послом к болгарам.

Отобедав у воеводы, пошли в терем посадника. Отец во-
дил болгар по двору, похвалялся хозяйством, угощал креп-
ким мёдом.

Семён с Сысоем выехали верхом за городские укрепления, проехали вдоль валов.

–Не докучают эрзя, черемисы? – Семён смотрел на само-
ручно заложенный городок, радовался.

–Мирно... Пока... Лето в разгар войдёт, полезут... Года
не проходило, чтобы не налетали. Скот режут, увозят на ло-
дьях.

–Это мелочи.

–Кому мелочи, а мне разоренье. В прошлом лете трёх тё-
лок свели. Я даже брал дружинников десятков, сплавлился
по реке к ближним деревням этих разбойников. Разбегаются
кто-куда, да из-за кустов стрелами шпыняют... К болгарам
зачем едешь? Князь что-то затевает?

–Не твоего ума дело.

–Ой, не твоего! Заноситься стал, Сёма... Смотри, друга

обидишь, а друг, может, ещё пригодится.

– Не дуйся, Сысой. Булгары за миром приехали, кочевники их достали, вот и просят у нас нового мирного договора, чтобы убрать дружины с северной границы.

– Половцы? Половцы только грабить мастаки, они большим войском уже давно воевать не ходят – у каждой орды свой хан, а в орде, вместе с женщинами, детьми и стариками, человек с полтысячи... Чтобы с такими отрядами справиться, обнажать границу с Русью булгарам нет надобности, у них народу много и рати большие.

– Говорят, монголы какие-то на них нападают. Говорят, половцев монголы бьют, только писк идёт, и в рабство угощают или заставляют воевать на своей стороне. Говорят, двадцать тысяч войска у монголов.

– Ого! Больно много! Не лгут?

– Вот князь и послал грамоту о мире хану булгар передать, да выяснить, что правда, а что ложь. Если ложь, то к чему ложь.

– Понятно, – Сысой был задумчив. Погладив коня по гриве, усмехнулся. – Растёшь рядом с князем, в послы выбился.

– Бери выше. Младшим воеводой во Владимире стал! – горделиво вскинул голову Семён. – Пётр Ослядюкович губу вперёд выставляет, брезгует мной, выскочка, говорит.

– Да-а, – завистливо протянул Сысой. – А я здесь, в этом болотище, состарюсь воеводой. Только дружины у воеводы три десятка молодцов.

–Зато хозяин себе и округе.

–Ты, Семён, приедешь от болгар, шепни князю, может, возможно меня куда в центр приткнуть? Я ещё молодой, спекусь здесь, на пограничье. Тут старика поставить, всё равно спокойно.

–Поеду обратно, поговорим.

–Правильно рассуждаешь. А ты в уме отложи, что я просил.

Ночью отец лёг спать не на печи, как обычно, а на полатах, рядом с Семёном. Не спали. Семён лежал на душных полушубках, смотрел в черноту потолка. Отец сидел, свесив ноги, иногда чесал грудь под рубахой, иногда ковырял твердую пятку, ворчал, но по голосу Семён чувствовал – переживает.

–Больно прыток ты, Сёма. Не к добру. Видано ли дело – младший воевода Владимирский! Это мой Сёмка! Ты князю не вздумай перечить! У них там смуты и лай промеж собой, ты в стороне будь. Господи, господа. Не спокойно на душе. Теперь маяться буду, пока обратно из болгар не вернёшься. Денег тебе дам, присмотри какого-нибудь товарцу дешёвого, но какого здесь нет, продам, серебро в оборот пушу.

–Отец, я же не купец, посол.

–А ты разузнай, что у них, почём, да как к купцу относятся. Через нас часто лодьи владимирцев проходят. Какие к болгарам, какие к половцам идут. Я, может, тоже лодью срублю, пусть Мишка отвезёт, брат твой непутёвый – дома в хозяйстве толку мало, работает без усердия, Ваньке не че-

та, голова неизвестно чем занята. Зерно есть, мёд есть, воск, дёготь, лыко.

—Раз он в хозяйстве непутёвый, какой из него купец? Растеряет добро.

—Может статься, — отец замолк, скрёб затылок.

—Сысой не обижает тебя?

—Сысой? Я да Сысой, вся власть здешняя. Богатею его попустительством. Потому в голове мыслишки насчёт торговли бродят.

—Что поп Антип?

—А что? Человек тихий... Пьет только много, всё сокрушается, что сюда его определили. А так докуки от него нет...

—Отец, а что с товаром сразу в болгары соваться? Сперва, товары во Владимир отвези или в Муром.

Отец усмехнулся одобрительно.

—Тоже можно. Пусть Мишка во Владимир съездит. Да, боюсь купцов столичных. Разве пустят богатеи Спиридона на свои рынки? Они, шельмы, сюда сплавляются, по дешёвке товар скупают, а сами везут уже в Новгород, Смоленск, в Киев. А в Булгарах я, может, пробьюсь.

—Сложное дело задумал, отец.

—Кто говорит, что лёгкое?! Вся жизнь наша страдания и пот, и боль головная, прости господи, за слова такие. Надолго к булгарам едешь?

—Как придётся, отец.

—Ну, бог тебя храни...

От Нижнего Новгорода спускались по Волге двумя лодьями. На берега выезжали конные дозоры булгар, кричали, грозили копьями, требуя пристать. На них не обращали внимания.

Ближе к Булгару пошли частые деревни. Они располагались по берегам Волги из десятка – двух дворов. Семён не видел такого обилия поселений в русской земле. В прошлую войну здесь многих деревень не существовало – выросли за мирное время.

С востока в Волгу вливалась Кама.

Булгар располагался на крутом берегу, окружённый высокими земляными валами и крепкими дубовыми стенами. Над воротами нависали сторожевые башни. У пристани было тесно от лодий и стругов.

Посольские лоды встречали вооружённые всадники.

Как только лоды пристали, болгарских послов повязали, и грубо поволокли в город. Семёна допросили:

–Зачем пожаловали?

–Послы князя Суздальского Юрия. Привезли княжескую грамоту о крепком мире.

–Это хорошо, – смягчился пожилой болгарин в дорогой одежде, предводительствующий отрядом. – Почёт русскому послу! Мы проводим вас на посольский двор. Наместник ве-

ликого хана примет вас.

–Разве великого хана нет в Булгаре?

–Теперь булгарами правит хан из Биляра, посол.

Семён переглянулся с Микулой – как похоже это на постоянные княжеские распри на Руси.

Послам подвели коней. Верхом, вслед за сопровождающими, поехали в город. Оставив русских на посольском дворе, воины, с повязанными болгарскими послами, уехали к ханскому дворцу.

На посольском дворе жили несколько купцов и послы половецкого хана Бичмана. Среди купцов оказались новгородцы Михалко и Дмитр – бородатые дородные дяди в хорошей одежде и вольным гонором – новгородцы себе хозяева, князей меняют по своему желанию.

–Русские? – купцы сидели за столом под навесом у корчмы, ели кашу с мясом, пили настойку. – Ай да к нам. Он – Михалко, именитый купец новгородский. Я Дмитр – одно время был посадником в Ладоге, теперь тоже купец.

–Приветствую купцов новгородских, – присел за длинный, отскоблённый, деревянный стол, Семён. – Мы владимирцы, послы князя Юрия к булгарам. Я Сёмен, он – Микула.

Корчмарь спросил, чем кормить, но послы отказались – своего привезли достаточно.

–Давно здесь? – спросил Семён.

–С весны. Товар уже сбросили, теперь закупим кое-чего,

и домой, – поглядывал Дмитр.

–Мой отец посадником в Нижнем Новгороде. Тоже хочет купцом сделаться, – чтобы завязать разговор, Семён заговорил на близкую купцам тему.

–Спиридон? Говорили с ним, – ухмыльнулся Микула. – Бойкий старик. А что, посол, зачем к булгарам пожаловали?

–О таком кто говорит? – хитро посмотрел Семён. – Секрета нет – мир крепить, больший, чем был. Булгары жалуются – не спокойно на юге у них.

–У них внутри не спокойно. Князья престол не делят, друг друга изводят. Не хуже русских.

–Видел. Послов, что к Юрию приезжали, у пристани, прямо в лодье, повязали. Князя Адавлета.

–Адавлета знаю – племянник болгарского князя, бывшего ханом. Только теперь верх взял Билярский князь, бывшего хана при себе держит, а в Булгар наместника посадил, зятя своего Халана. Буча идёт. Князь Суварский не признаёт Билярского хана, сейчас сам по себе.

–А монголы?

–Монголы? Слышал (балакали здешние людишки), зимой монголы сбили болгарские заставы по Яику. Но лучше о монголах, тебе, посол, расспросить половцев – они с ними давно воюют.

–Поговорю, раз здесь они. А как дела у вас, в Новгороде?

–Это тебе следует рассказать, как дела сейчас в Новгороде. Мы уехали ещё по весне. Тогда в городе буча начиналась.

Средний брат твоего князя Юрия Ярослав, что держал княжение в Новгороде, собирал поход на Ригу, хотел, чтобы с его переславской дружиной пошли и псковичи с новгородцами. А нам, какая печаль суздальскому князю помогать зорить Ригу, с которой мы хороший торг ведём? Взбунтовались, понятное дело, попросили на княжение черниговского князя Михаила – он сейчас большую силу на юге взял. Иванк Дмитриевич, посадник новгородский, любимец Ярослава, бучу остановить не смог. На вече выбрали новым посадником Внезда Водовика – его Михаил поддерживает. Когда мы уезжали, в Новгороде было два посадника.

– Уже один, – отозвался Семён. – Иванк бежал, как только Михаил привёз в Новгород на княжение своего сына.

– Утёрли, значит, суздальцам нос черниговцы.

– То дела княжеские, – вставил Микула. Взгляд его вороватых глаз всё время бегал по лицам новгородцев.

– Оно понятно. Нам люб тот князь, от которого польза для Новгорода больше, – сказал Михалко.

Наместник хана не торопился принять русских, и вечером Семён смог переговорить с половецкими послами.

Половцы настороженно смотрели на русских, издали завели речь: зачем русские пожаловали в Булгар?

Узнав о мире из-за монгольской угрозы булгарам, сразу сняли напряжённость, разговорились.

– Монголы заняты покорением степи. Мир нужен. Мы за этим же пожаловали к булгарам от нашего хана Бичмана.

–Большое ханство у вашего хана?

–Достаточное. Больше многих соседних орд... Мы с монголами давно воюем. Впервые, семь лет назад столкнулись с ними. Их войско, под командой нойонов Джебе и Субедея, вышло с Кавказа в предгорные степи. Аланы, кочующие там, попросили нас помочь разгромить монголов, но монголы прислали послов к нашим ханам, и убедили не помогать аланам, с которыми у нас шла бессрочная прях. Послы сказали: «Мы с вами одного рода – настоящие кочевники, а аланы, народ, всегда враждовавший с вами, половцами». Вручили богатые дары. Половцы не собрали войско в кулак, и не участвовали в битве. Монголы разгромили аланов, а потом, гигантской облавой, прошли по нашим степям, разоряя беззащитные вежи и громя разрозненные отряды. А кипчаков, наших соплеменников, кочующих в степях от гор Алтая до Амударьи и Яика, монголы покорили ещё раньше, когда разгромили империю Хорезмшаха. Теперь монголы покоряют наши степи. Под их натиском, орда нашего хана Бичмана ушла за Яик. Между Яиком и Волгой становится тесно. Половецкие ханы ведут переговоры между собой, собираются объединить отряды – пришло известие из улуса монгольского хана Бату – покорённых кипчаков монголы мобилизуют для завоевания всей половецкой степи. Брат половец будет убивать брата кипчака, а монголы – прибирать наши табуны и отары в свои жадные руки, а жён и детей угонять в рабство...

Семён был не много не в себе от услышанного сейчас, и прежде, от князя Адавлета. Мир оказался таким огромным, и таким злым, вечно воюющим клубком. Все громили всех, а тут ещё монголы появились, самые беспощадные, по словам тех, кто с ними сталкивался.

Наместник Булгара принял послов сдержанно, обещал выделить почётную охрану для поездки к хану в Биляр, сказал, что заверение старого мира новым договором отвечает интересам обеих держав. В провожатые послали того самого пожилого булгарина, который руководил захватом посольства князя Адавлета. Адевлета также везли в Биляр, на суд нового хана.

По дороге к крупнейшему городу булгар рассыпалось множество деревень и посёлков мелких князьков.

Укрепления Биляра были похожи на виденные Семёном в Булгаре – высокие валы, в пять человеческих ростов, наверху двойные дубовые стены, посередине забитые утрамбованной землёй, перед валами выкопан глубокий ров.

Послов проводили через город к ханскому укреплённому двору, оставили отдыхать в деревянном тереме. Князя Адавлета, связанного, поволокли напрямик во дворец.

Вечером хан устроил пир в честь послов. Он сидел во главе застолья, толстый, в чёрной бороде, надменный. Бывший хан, что удивило Семёна, сидел рядом, а его племянник – с другой стороны. Это значило, что прежние правители смирились с потерей власти...

На следующий день послов приняли официально, и Семён вручил хану княжескую грамоту.

— Мне известно, посол, что ты имеешь желание посмотреть на монголов, наших новых врагов. Против них мы мобилизуем все силы нашего государства. Я удовлетворю твоё желание — известный тебе князь Адавлет отправляется управлять южными землями, вы вместе побываете на границе, и ты сможешь увидеть живых монголов. Убедишься въяве, что угроза действительна, а не придумана нами, как считают некоторые на Руси...

Семён с Микулой, Серьга и Ванька, вместе с воинами сопровождения и князем Адавлетом, выехали на юг ханства. Сосновый лес, вперемежку с берёзовыми и осиновыми рощами, прорезали узкие дороги. Деревни выхватывали у леса поляны, где колосились молодая рожь и просо.

— Не смотри, посол, что шатанье в ханстве. Мой дядя имеет много сторонников, он вернёт утерянную власть. Хан опасается, держит его при себе, а меня сплавил подальше от городов, следить за строительством оборонительных валов. Но это не надолго, — Адавлет был зол, покачивался в седле. — Монголы полезут. Не грызться надо, силы крепить. Но сначала мы вернём власть!

На границе леса и степи, согнанные с городов и деревень, простолюдины строили гигантские оборонительные валы.

— Монголы воюют конницей, а эти укрепления им придётся штурмовать! — показывал размах работ Адавлет. — Через

определённые промежутки за валом поставим гарнизоны, а впереди, в степях у Яика, оставим конные разъезды. Сейчас степь пустая, там наших отрядов нет. Монголы на другом берегу, а на этом – туда, дальше на восток, в башкирских лесах, там резня идёт. У нас в предгорьях заставы – многие племена башкиров подчиняются Булгарии, потому знаем, что там творится.

Семён ездил вдоль валов, смотрел вдаль, в степь, откуда ждали нашествия, и не верил в серьёзность угрозы. Уже слишком всё выглядело грандиозно, неправдоподобно, преувеличенно... Булгары известные хитрецы... Кочевников половцев вытесняют кочевники монголы, к тому же их не так много, раз они мобилизуют в свои отряды подчинённых кипчаков, а рассказы о двенадцати и тринадцати туменах можно отбросить, как преувеличение. Вероятно, болгарский хан хотел приструнить распоясавшихся удельных князей, потому и попросил нерушимого мира, а сам проиграл борьбу и лишился трона. Чисто болгарские дела.

– Микула, ты веришь в возможность угрозы Суздалю? – он обернулся к ворчливому конюху.

– Всяко может быть... – пожал тот плечами. – Только до Руси ещё добраться надо. Булгары хорошо укрепляются, вон какие валы строят! Если что случится, мы успеем полки собрать. Хотя, думаю, в ближайшее время не будет ничего.

– И мне так кажется, – согласился Семён.

Адавлет, вопреки обещанию, на Яик с Семёном не поехал,

но выделил сотню конных воинов в сопровождение.

—Если напоритесь на монголов, тебе дадут уйти. Воины у меня крепко дерутся.

Портилась погода. Небо обкладывало тучами. В степи ветер гнул метёлки ковыля. От движения конной сотни земля гудела эхом.

Яик открылся издалека. Берег обрывался. Внизу, у воды, были заросли камыша. Мутные воды реки двигались на запад в ветреной зяби. Другой берег был пологий, вроде близкий, но всё равно очень далеко.

Сотня замерла на берегу.

Семён, не слезая с коня, смотрел вдаль. Надо было спешиться и ждать — он хотел увидеть загадочных завоевателей.

—Монголы! — указывая вдаль рукой, крикнул сотник.

Из глубины степи к противоположному берегу приближался конный разъезд. Они были всё ближе и ближе. Полусотня. Становилось видно более отчётливо.

—Это половцы? — посмотрел на сотника Семён.

Тот мотнул головой.

—Монголы.

На другом берегу, монгольская полусотня замерла, устремив взоры на болгар. Семён видел всадников в железных шлемах, с круглыми щитами, с копьями, луками, несколькими колчанами, полными стрел. Железные пластины укрывали воинам грудь и руки, на халатах доходили до сапог, вдетых в железные стремена. Латная конница. Да, половцы не

так вооружаются – те просто имеют деревянный щит, саблю, лук и пику, а сами остаются в своих малахях и ватных халатах.

–Они хорошо вооружены, – заметил Микула.

–Очень. Это дикие звери, – сказал болгарский сотник.

Монгольский отряд вдруг сорвался с места и, вдоль берега, помчался прочь.

–Поедем обратно или привал устроим? – спросил у Семёна сотник.

–Обратно. Здесь, на пустом месте, делать нечего.

На обратном пути Ванька заметил:

–У наших княжеских дружин вооружение не хуже: и мечи, и щиты, и шлемы железные, и кольчуги.

–Только, какая численность наших дружин?! А болгары твердят – монголов два тумена. Двадцать тысяч прекрасно вооружённых воинов! А у нас? Соберём смердов с рогатинами да топорами, – Семён чувствовал непонятное недовольство.

–Если князя соберут вместе свои дружины...

–То-то – если! С какой радости им вместе дружины собирать?! – с сарказмом отозвался Микула...

Адавлет, увидев мрачное лицо Семёна, ухмыльнулся:

–Видел?

Семён слез с коня, похлопал по гриве.

–Видел. Полусотню.

–Что скажешь?

Когда Семён приехал во Владимир и увидел великого князя Юрия, понял, тому не до болгар и монголов – в тереме гостил средний брат Ярослав, моложе князя на два года, болезненно самолюбивый и взбалмошный, готовый обидеться на старшего брата по любому поводу.

Вместе с Ярославом прибыл и бывший посадник новгородский Иванк Дмитриевич.

– Мишка посадил князем в Новгород своего сына, а мне шиш! – с досадой ругался Ярослав.

– А от меня что хочешь? – устало отзывался Юрий.

Подобные разговоры они вели уже не меньше недели. Ярослав убеждал Юрия надавить на Михаила Черниговского, чтобы тот вернул Ярославу новгородское княжение.

– Его вотчинники сами призвали. Почему посадник допустил недовольство? – спрашивал Юрий. – Я против брата жены своей лая поднимать не намерен, я с Мишкой мирно живу. Сам разбирайся.

– Ты старший в семье? Ты великий князь Владимирский? – наседал Ярослав.

– А он великий князь Черниговский!

– Нам какая корысть, что Новгород черниговскому князю в подчинение уйдёт? Деньги теряем! Власть теряем!

– Это ты, настырный, много власти забрать хочешь.

– Я хочу, чтобы Новгород за Суздалью остался. Чем казну наполнять собираешься? Доходы великие Новгород даёт!

– Сейчас новгородцы тебя в город не пустят, чтобы я не

втолковывал черниговскому князю.

Глаза Ярослава сверкнули.

—Я Волок-Ламский заберу, а там посмотрим! Преклонят колени, как миленькие!

На Русских землях, поделённых основными княжескими кланами на великие княжения, соотношение сил в 1229 году было, примерно, равное, и, если возникали споры о переходе тех или иных вотчин в подчинение от одного клана к другому, они решались миром, без кровопролития. На самом юго-западе правил сын Романа Даниил, имея в своём подчинении Волынскую Русь. Он направлял всю свою энергию на борьбу с венграми за власть над Галицией, и с поляками, пытавшимися укоротить его владения с севера... Клан Ростиславичей владел Полоцкой землёй, Смоленским, Турово-Пинским, Киевским княжествами и городом Псковом... Михаил Черниговский, усилившийся в последние годы, из рода Ольговичей, держал обширнейшее Черниговское княжество и Курские земли... Новгородцы жили вечево́й вольностью, по собственному разумению, от преобладания у власти той или иной местной посаднической группировки, приглашали княжить на свой престол выгодного князя... Владимиро-Суздальское княжество было во власти Всеволодовичей, где главенствовал старший из братьев Юрий. Ему же подчинялись князья Рязанские и Муромские, и город Переяславль— Южный...

Волок-Ламский находился в окружении земель Смолен-

ского и Суздальского княжеств, но подчинялся Новгороду. Захватив власть в Новгороде, Михаил Черниговский, по праву считал теперь этот город своим. Захват Волока Ярославом вёл к одному – новой распре и возможной войне. Это не устраивало великого князя Юрия. Надо было определяться, чью сторону принять – брата жены, Михаила, или собственного брата – Ярослава. Выгоднее было стоять за Ярослава, но ссориться с дерзким и сильным Михаилом тоже было не с руки.

Выслушав доклад Семёна о положении в болгарских землях, Юрий промолвил:

–Значит, войны нет у них с монголами, а слова и басни нам слушать не к чему. Мир подтвердили, тому и быть.

–Позволь, князь, ещё сказать, – Семён почтительно склонил голову.

–Говори.

–Воевода Нижегородский Сысой просит перевода. Устал в глуши сидеть. Граница спокойная, тихая.

–А давай его, брат, мне. Я его на Волоке посажу! – подал голос Ярослав.

–Сдался тебе этот Волок! – с досадой произнёс Юрий.

–Волок заберу, новгородцы обидятся на Мишку, скажут, под его княжением земли теряем. Меня позовут.

–Я подумаю, – отозвался Юрий.

–Ты долго думаешь. Нельзя позволить черниговцам в Новгороде закрепиться!

–Мы вызовем Сысою во Владимир, а, пока он добирается, я решу.

Семён покинул терем князя с тяжёлым чувством – напроцисся Сысой, втянут его князя в свои передряги, они-то потом между собой помирятся (всё же какие-никакие, а все князя друг другу родственники), а Сысой головой поплатится – покой ему нижегородский надоел!

Надо было идти домой, обнять жену, приласкать сына.

Перед глазами возник образ Натальи. Пётр Ослядюкович как-то застал Семёна зачарованно смотрящим на его дочь, хихикающую с подругами на улице, и зло выговорил: «Ты, Сёмка, не глазей на мою дочку! У тебя жена дома, вот её и потешай. Ишь, воевода Владимирский!». Семён усмехнулся в бороду, отгоняя видение.

Из детинца выходил в город инок Серафим – летописец князя.

–Эй, Серафим, погоди! – окрикнул его Семён.

Серафим, щуплый, с бледным лицом и козлиной бородой, в чёрной рясе, остановился, уставился вопросительно.

–В монастырь собрался?

–В монастырь, – Серафим ждал, что от него нужно младшему воеводе.

–Я послом был к булгарам.

–Слышал, – Серафим, сутулясь, медленно пошёл дальше. Семён шёл рядом. Поджидавший его с конём Серьга, обогнал верхом – ускакал, под лай собак, вперёд.

—Спросить тебя хочу, Серафим. Там я со многими говорил: и с болгарскими князьями, и с половцами. Они в один голос твердят, мол, мы, русские, сражались с монголами, и проиграли битву. Я от них впервые о том услышал.

—Этого я не знаю.

Семён удивился такому неведению.

—Ты же летописец! Не наш князь воевал с монголами, а южные — черниговские, киевские.

Серифам посмотрел в небо, припоминая.

—Может, и бились... Нас южные дела не касаются... В каком году было?

—Шесть лет назад.

—Тогда я к летописям дел не имел... Интересно. Ты, воевода, куда идёшь?

—Домой собирался.

—Пойдём в келью, посмотрим! Самому стало интересно, что там за битва была...

Серафим развернулся и, уже стремительно, двинулся к княжескому терему, где в нижнем этаже располагалась летописная подклеть, а в других комнатах сидели богомазы — писали иконы.

Спустились в келью. Серафим отпер дверь, вошли внутрь — пахло тёплой прелью. В дверной проём падал солнечный свет, в его полосе играли яркими искрами пылинки. В углу кельи горела лампада у иконы Николы-угодника, под маленьким оконцем — стол, сбитый из дубовых плах, у стен же-

лезом окованные сундуки. На столе, заляпанном воском, лежала в кожаном переплёте пухлая книга с медными застёжками. Тут же – гусиные перья.

–Заходи, воевода, не бойся. Великий князь здесь почасту бывает.

–Зачем?

–Я ведь старые летописи, по княжескому повелению, переписываю в новую, вот эту, книгу. Князь смотрит, что оставить, как было, а какое исправить по его разумению.

–Зачем?

Серафим предосудительно взглянул на Семёна, хотел сказать, что покрепче, но ответил:

–Дело княжеское. Ему важно, как его дела в памяти людской останутся.

–Зачем же старое править?

Серафим вздохнул, открыл книгу.

–Ты садись, пока, воевода. Я посмотрю, с кем бились южные князья шесть лет назад. Так, год 1223-й. Да, была битва, но не с монголами, а с татарами.

–Что за татары?

–А вот послушай, воевода: «из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами...».

Семён сосредоточенно смотрел в земляной пол, и пред-

ставлял тех, виденных им, покрытых доспехами, монгольских всадников, и голос Серафима, читающего летопись, облекался в яркое видение...

По велению Чингисхана, покорявшего империю хазмшаха Мухаммеда, нойны Субедей и Джебе с двумя туменами монгольской конницы бросились в погоню за шахом, оставившего свои войска в городах-крепостях. У нойнов был приказ – уничтожить правителя Хорезма, не допустить, чтобы он собрал ещё одну многочисленную армию. Неукротимое и быстрое движение монгольской конницы, обходившей стороной укрепленные города, загнало шаха на безжизненный остров в Каспийском море, где он простудился и умер. Тогда туменам был дан приказ совершить рейд вдоль берега моря, узнать силы врага. Монгольская конница, в течение многих месяцев продвигаясь вдоль берега Каспия, повернула на Тегеран, где разбила тридцатитысячную персидскую армию. Под Казвином – ещё одну. Наспех сколоченные ополчения правителей городов, не зная, где шах, и что делать, не объединяли усилия, и гибли по одиночке... Пройдя все земли, некогда покоренные хорезмшахом, Субедей и Джебе остановили тумены на отдых на берегах Аракса, в степях южного Азербайджана.

Впереди лежал Кавказ. Цепные псы Чингисхана, видевшие завоевания смыслом своей жизни – Джебе-нойон, горячий и быстрый на решения, и Субедей-багатур, спокойный,

вдумчивый, но умевший предугадать и предвидеть многое, допрашивая местных жителей и купцов из покорившегося без боя Тебриза, решили идти походом на Кавказ, чтобы разорить и ограбить богатые земли.

Субедей выехал к Чингисхану рассказать о задуманном нападении.

Чингисхан зимовал с армией в окрестностях разгромленного Самарканда.

Великий хан, прежде чем согласиться на явную авантюру, долго думал, расспрашивал о собранных сведениях.

Субедей расстелил перед правителем чертёж кавказских земель:

—Великий хан, на Кавказе подмяло под себя окрестные народы Грузинское царство. При царице Тамаре грузины присоединили северную Армению. Южная Армения, где правит династия Шахарменов, также зависима от них. Трапезундская империя платит им дань, как и царство Ширван. На севере Кавказа маленькие народы страдают от их власти... Мы с Джебе клинком в масло войдём в это рыхлое объединение, где окрестные князья, думаю, тут же восстанут, оставив грузин с нами один на один, а, может быть, и помогут разгромить!

—В твоих словах есть смысл, — хан задумчиво смотрел на чертёж, постукивал пальцами по резному подлокотнику походного трона. — Но война с хорезмийцами ещё не закончена. Столица Хорезма цела, да и весь юг нами не покорён.

Потому, ты и Джебе, пройдёте сквозь Кавказ неукротимом потоком, узнаете всё о тех народах и царствах, и, обогнув Каспий с севера, вернётесь обратно. А там посмотрим, что делать с Кавказом...

Тумены Субедея и Джебе были пополнены несколькими тысячами курдов и туркмен из покорённых областей. Войско вышло из Тебриза, и вторглось в Ширван, откуда, обойдя Гянджу, проникло в Грузинское царство. Грузинские отряды сопротивлялись, но силы были не равны. Основное войско грузин спешно собиралось со всех окрестных земель у столицы и, когда монголы вышли в долину Тбилиси, им противостояла двадцатитысячная грузино-армянская армия. Чтобы победить, не уступающее по численности войско, нойоны пошли на, привычный в степных войнах, приём – Джебе с пятитысячным отрядом укрылся в засаде, а Субедей повёл остальные силы в атаку. Яростная битва длилась с переменным успехом. Монголы не выдержали и «побежали». Грузины, объятые радостью и жадной мщенья, расстроив боевые порядки, бросились добивать врага, но, неожиданно, с тыла наступающим ударили воины Джебе, а бежавшие монголы Субедея, в строгом порядке развернулись, и ударили в лицо. Разгром был полный. На поле легло тринадцать тысяч грузин. Защищать Тбилиси стало некому – царь Лаша, с остатками войска, ушёл в горы. После яростного штурма, монголы ворвались в Тбилиси. Местное население было ограблено, обесчещено, вырезано.

Из Тбилиси монголы ушли стремительно, оставив после себя развалины и трупы.

Пройдя с боями всю восточную Грузию, громя мелкие отряды, тумены вошли в Ширван и взяли штурмом Шемаху – столицу царства.

Дальше был беспрепятственный путь на север. Но, дойдя до Дербента, монголы оказались в ловушке – впереди высились величественные стены укрепленного города, а сзади скопились в новое войско грузинские отряды.

Чтобы спастись, Субедей пошёл на хитрость – он предложил правителям Дербента громадную цену за пропуск в северокавказские степи. Когда к нему прибыло посольство из знатных горожан, Субедей повелел схватить их и, зарубив одного, обещал казнить всех, если его войско не проведут тайными тропами вокруг укреплений.

По узким горным дорогам, войско монголов обогнуло Дербент, и вышло в степи Северного Кавказа.

Но, вырвавшись из каменного мешка, тумены оказались прижаты к стенам Дербента объединённым войском аланов, лезгин и половцев. Противостоять выносливой и многочисленной коннице кочевников было невозможно. И монголы вновь отправили послов. Ханам половцев вручили богатые дары, выделив часть добычи из ограбленной Грузии, и убедили разорвать союз с аланами.

Разгромив в битве аланов, тумены прошли огнём и мечом по половецким кочевьям, уничтожая людей, забирая табуны

и отары. Половцы, ополоумевшей ордой, ушли за Дон, откуда весть о нашествии дошла в кочевья могущественного хана Котяна, державшего земли между Днепром и Днестром, и бывшего не последним, среди русских князей на юге Руси. Его дочь была женой галицкого князя Мстислава. На правах родственника, Котян часто вмешивался в русские дела.

Зная, что монголы придут в его земли, он отправился к своему зятю просить помощи, присовокупив к просьбе табуны лошадей, стада верблюдов и толпы женщин, захваченных в набеге на отступающих собратьев.

Несмотря на разногласия, русские и половцы выступили вместе. С ханом Котяном пришли отряды крещённых половецких ханов Юрия Кончаковича с Дона и Данилы Кобяковича из Приазовья, орда хана Бичмана с западного Поволжья. На совете князей в Киеве было решено объединённому войску выйти навстречу монголам в степь, и разбить их, а не ждать прихода на Русь.

В походе приняли участие дружины южных и западных княжеств: Галицкого, Волынского, Киевского, Черниговского, Смоленского, Турово-Пинского. Князья направили послов во Владимир, но Юрий ни своих дружин, ни рязанских, не послал – у него были проблемы с новгородцами, которые прогнали с княжения сначала его сына Всеволода, а затем и брата Ярослава. Юрий снова утверждал в Новгороде Всеволода, которому только исполнилось восемь лет. До южных ли походов ему было, коли Новгород, богатый торговыми по-

шлинами и княжеской данью, выскальзывал из рук!

Не смотря на соединение сил, между тремя великими князьями (Мстиславом Галицким, Мстиславом Киевским и Мстиславом Черниговским) согласия не было. Враждебность и желание досадить друг другу, ради личного усиления, привели к тому, что русские шли тремя несогласованными колонами. Каждый князь делал то, что считал нужным, и не обращал внимание на соседей. Половцы двигались отдельным, передовым войском, тоже не имея единого командования – каждый хан управлял только своими отрядами.

К этому времени монголы, продолжая грабёж и тесня остатки разбитых северокавказских половцев, ворвались в Крым, разгромили керченскую орду, и захватили Судак – торговый город, где хозяйничали венецианцы. Здесь впервые Субедей и Джебе, столкнувшись с европейскими купцами, подробно узнали о многих странах Восточной и Западной Европы.

Весть о намечающемся союзе враждующих между собой русских княжеств и их врагов половцев, заставила монголов начать спешный отход на восток, предварительно, попытавшись с помощью посольства разрушить опасный союз и выиграть время для отхода за Дон.

Посольство встретило русское войско на западном берегу Днепра, недалеко от Переяславля Южного. Послы убеждали князей, что монголы воюют только с половцами, а с русскими иметь дела не желают.

—Мы будем бить половцев с востока, вы бейте с запада, забирайте себе их отары и табуны, а пленных обращайтесь в рабство. Вы разделаетесь со своими вековыми врагами — половцы грабили ваши сёла, жгли города. Поможем друг другу и останемся друзьями!

Половецкие ханы гневно требовали не верить посулам, и казнить послов.

—Они и с вами сделают то, что с нами сотворили! Монголы дали подарки нам, убеждая не помогать аланам, и что? Аланы разбиты, а половцы в беспорядке бегут по степям, теряя табуны и жизни! Где ханы, поверившие монголам? Один Юрка Кончакович живой, остальные полегли под монгольскими саблями. Монголы коварны. У них нет ни совести, ни чести.

—И у вас совести не много, — ухмыльнулся киевский князь, но монголов, надменных и важных, приказал зарубить...

Тумены Субедея и Джебе медленно отходили на восток.

Разъезды сообщили, что объединённое русско-половецкое войско продолжает движение на юг, к излучине Днепра, где расположена естественная переправа.

Узнав о гибели послов, нойоны поняли, что битвы не избежать — за гибель послов принято мстить, и великий Чингисхан не простит ухода без боя.

К русским отправили новое посольство, а Джебе мобилизовал в потрёпанные тумены бродников — русских, живших вольницей на берегах Донца и не признававших власти кня-

зей (в случае отказа сражаться, их обещали вырезать). Таким образом, пополнив тумены пятью тысячами бродников, монголы имели двадцать тысяч воинов против втрое превосходящих сил.

В Протолочах, на переправе, к основному русскому войску подошли на соединение дружины из Галича и Волыни.

—И зачем послов казнили?! — узнав о гибели посольства, досадовал Мстислав Галицкий.

—Твой тесть просил, хан Котян, — издевательски вежливо отозвался киевский князь.

Мстислав первым начал переплавлять свои дружины на восточный берег Днепра.

Когда перешла первая тысяча, к князю привели новое монгольское посольство. Монголы выглядели готовыми к гибели, но держали спесивую надменность. Чтобы унижить их, Мстислав, не слезая с лошади, велел послам говорить.

—Послушавшись половцев, вы убили наших послов и идёте против нас. Идите. А мы вам зла не делали. Теперь нас рассудит бог», — слова посла, лицом не похожего на сопровождавших его воинов, не понравились князю.

—Как зовут тебя, посол?

—Гемябек.

—Передай своим воеводам, Гемябек, что мы разобьём ваше войско, и прогоним из половецких земель. А теперь уезжайте, и пусть, как ты говоришь, нас бог рассудит.

Послы уехали. Переправа продолжалась. Котян ругался,

что отпустили монголов.

—Это высмотрени!

—Уймись! Нет закона, чтобы послов убивать!

Котян, недовольный, ускакал к своим...

Субедей, увидев живым Гемябека — тысячника из покорённых курдов, ухмыльнулся, коротко произнёс:

—Идут?

—Идут, великий нойон. Туменов пять— шесть. Из них половина — половцы.

—Половцы не воины. Вот как бьются русские, мы не знаем. Гемябек, ты со своей тысячей будешь прикрывать наш отход.

Когда тысячник ушёл, Субедей, посмотрев на Джебе, произнёс:

—Если их в три раза больше, надо сделать так, чтобы уравнивать силы. Будем не спеша отходить на восток, оставляя отары и табуны под охраной сотен из туркмен, бродников и алан. Монголов будем держать в кулаке. Пусть князья одерживают мелкие победы, растягивая свои порядки. Когда силы уравниются, неожиданным ударом опрокинем передовые тысячи, и разобьём врага.

Недалеко от переправы, половцы в стычке сбили заслон Гемябека, самого захватили в плен и, привезя в стан союзников, растерзали.

Туркменская тысяча отходила в непрерывном бою и полегла.

Дружины Мстислава Галицкого оторвались от основного

войска, нагнав отары и табуны, отгоняемые сотнями алан, разогнав их, захватили скот.

Увидев богатую добычу, киевский и черниговский князья затаили зависть и озлобление против Мстислава.

Войско, неторопливо, отдельными колонами, шло на восток. Впереди двигались половецкие сторожевые отряды, непрерывно вступая в стычки с отходящими монголами.

Дни сменялись днями. Отчуждение между великими князьями росло – на требование киевского и черниговского князей поделить добычей, Мстислав Галицкий наотрез отказался. Князья разругались.

30 мая 1223 года русско-половецкое войско вышло к речке Калка. Князья решили устроить временный стан, и собрать растянувшиеся в походе отряды в единый кулак. Половцы ушли далеко вперёд, встали отдельно.

Неожиданно, русские разъезды налетели на монгольские сотни, в коротком, но ожесточённом бою, монголов опрокинули и прогнали в степь.

Мстислав Галицкий повелел своим дружинам переправиться через Калку, и встать отдельным лагерем.

Киевский князь разместил своё войско на горе над рекой, и огородил лагерь тыном из кольев.

Ночь прошла в подозрительной тишине – русские дружины располагались тремя отдельными станами, а половцы были где-то в степи, за Калкой.

Ранним утром 31 мая князь Галицкий с Даниилом Волын-

ским выехали в дозор.

В туманном мареве стояли монгольские тумены, лошади фыркали, поводили ушами, бряцали удила.

Ворвавшись на спящий стан, Мстислав закричал:

–Дружины, к оружию! Татары!

Даниил осадил коня рядом.

–Я пошлю гонца к черниговцам и киянам! Пусть выходят!

–К чёрту! Сами справимся! Чести много! – зло отозвался Мстислав.

Дружинники торопливо выстраивались в боевой порядок, одевали кольчуги, шлемы.

–Хур-ра-а!!!

Разрывая тишину рёвом, визгом и топотом, монгольская лава обрушилась на стан галицкого и волынского князей. Обходя, другие тысячи торопливо преодолевали реку, чтобы напасть на спящих черниговцев и киевлян.

Яростный удар разбил боевые порядки русских, началось избиение. Киевляне сидели за тыном, отстреливаясь, отрезанные от остального войска.

С ходу в сражение влетели половецкие отряды, вернувшиеся к общему стану, но их страх перед монголами был так велик, что они, бросив рубку, рванули прочь, сминая ряды русских и вселяя повсеместную панику. Русские, беспорядочной толпой, бежали прочь. Монголы, плотной лавой, преследовали бегущих, рубя, коля, давя копытами коней.

У стана киевлян Субедей оставил нойонов– тысячников

Чегира и Тегу, и пятитысячный отряд бродников, под командой Плоскини. Бродников погнали на штурм, а монголы следили, чтобы они были упорны и не жалели себя. Киевляне, защищённые стенами, наносили бродникам тяжёлые потери.

Тумен Джебе гнал отступающих союзников, пока не стемнело. Степь была усеяна трупами. Монголы рубили пленных, сгоняли разбежавшиеся отары.

Субедей повелел привести в порядок тумены.

У русских станов ещё шёл бой. В помощь к бродникам послали остатки аланов и туркмен. Но это не помогло.

Прошёл день, а русские держались.

—Субедей, разбитый враг уходит, — был недоволен Джебе, зайдя в юрту к старшему товарищу. — Мы могли бы на его плечах ворваться в его земли, и разорить их. Наши воины будут вознаграждены добычей, а русские уstraшены.

—Знаю. Но что делать? Посылать монголов на штурм не хочу. А эти бродники слишком боятся за свои жизни.

—Вырезать их!

—А штурмовать кто будет? И в тылу у нас донцы могут напакостить, если узнают, что их воинов перебили. Сделаем по-другому. Порученец, туаджи, приведи к нам Плоскиню!

Воевода бродников вошёл в юрту, упал на колени перед нойонами.

—Плоскиня, мы обещали вам жизнь, если вы будете воевать за нас, а вы не можете даже выбить русских из укреплений! У них и сил мало!

– Не много, – согласился Плоския, склоняя голову. – Но держатся.

– Там что за князя?

– Князь Мстислав из Киева – матери городов Русских.

– Главный князь? – удивился Джебе.

– Главный в Киеве. С ним его зять, князь Андрей. И князь Александр Дубровский.

– Так вот, Плоския, хочешь, штурмом бери, хочешь, иди сам к ним, а завтра, чтобы сопротивление русских было подавлено. Иначе, тебе смерть.

Ранним утром Плоския ушёл к русским, и убедил князей сдаться – монголы не собираются их убивать, а отпустят за выкуп. Те поверили – так было принято у половцев: если они захватывали во время набега князя или воеводу, его не убивали и не продавали в рабство, а отпускали за выкуп. Князя открыли ворота, и бродники с монголами бросились рубить обессиленных воинов.

Когда израненных князей приволокли к великим нойонам, Субедей посмотрел на Джебе и сказал:

– Обмани человека девять раз, а потом обмани в десятый, и он всё равно поверит опять!

Вечером устроили пир в честь полного разгрома русско-половецкого войска. За дастарханом с тысячниками, Джебе и Субедей восседали на русских князьях, придавленных сверху досками, отчего те, задохнувшись, погибли...

Разбитое русское войско, измученной толпой, возвраща-

лось в родные места. Погибли в битве больше половины воинов.

Трагедию довершили половцы, начав повальное избиение русских, с целью грабежа и угона в плен.

До русской границы добрались только более сплочённые отряды, сумевшие дать отпор бывшим союзникам.

В битве с монголами погибли девять князей и семьдесят сотников и тысячников...

Не успели остатки княжеских дружин вернуться на Русь, как в пределы Южно-Переяславского княжества вторглись монгольские тумены. Огненным вихрем, они прошли вдоль восточного берега Днепра, убивая, грабя, насилуя, вырезая население, разоряя деревни и мелкие городки. У брода возле Новгорода–Святополча, монголы перешли Днепр, сожгли город и уничтожили население, но кремль, с засевшей дружиной штурмовать не стали.

Чувствуя, что дальнейшее движение встретит упорное сопротивление, тумены, отягощённые добычей, повернули обратно...

–Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли...

Серафим кончил читать, и уперся взглядом в Семёна.

–Татары эти за Яиком стоят, болгар бить собираются, – сказал Семён. – Монголы и татары – одно и то же.

–Может, и стоят, а может, и нет. Не в этом суть.

—А в чём?

—А в том, что южные князья, за грехи свои поплатились, а нашему бог не дал ввязаться.

— Ясно. Но монголы — враг жестокий. Вот, что я понял.

– Ты, воевода, не о монголах думай, а о литве – вот кто враг. Будут монголы с булгарами воевать, нет, наше дело сторона. А то, что литвины деревни на западе разоряют – это другое, хотя, тоже не наше, смоленское. У нас, слава богу, на Суздальской земле мирно. Так и в летописи у меня за тот год, за 1223-й, в новой книжице записано: «было мирно»...

<< >> >> >> >> >>

В начале осени во Владимир приехал Сысой. Он был весел, скалил зубы – радовался перемене. Семён выехал с десятком дружинников на пристань, встретить друга и чин его воеводский соблюсти.

Сразу, как тот вышел из лоды, Семён предупредил:

—Погоди радоваться. Юрий тебя Ярославу отдаёт.

–В поход, что ли? – насупился Сысой.

—На Волок хотят воеводой посадить. Ярослав лай поднимает против Михаила из-за Новгорода.

—Вон что! — озадаченно протянул Сысой, но тут же заулыбался. — Ничего! Волок — городок славный, там купцов много. Из Волока и до Переяславля не долго добратся. Послужу.

–Как там отец?

–Снарядил лодью с товаром...

–К булгарам?! И ты пустил?!

–Нет, по Волге, в Городец. К булгарам я бы не пустил. Сам товар повёз, Мишку взял подручным, хозяйство на младшего брата твоего, Ваньку, оставил... Погодь, Семён. Там, в лодье, гостинец тебе привёз от твоих – мёду, солонины.

Семён заулыбался. Гостинцы – это хорошо. Сразу теплом наполнилась грудь – не забывает его семья, отец думает о нём, переживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.